

ПАМЯТИ УШЕДШИХ КРАЕВЕДОВ

Учитель и просветитель

Для начала — краткая биография Густава Александровича Богуславского. Он родился 11 июля 1924 года в Москве. Самостоятельные занятия историей начал еще в средней школе. В 1940 году, после выступления на научном заседании в МГУ был специальным приказом ректора зачислен, будучи еще учеником 8-го класса, на исторический факультет этого учебного заведения, который закончил с отличием уже после войны.

Во время войны, освобожденный от воинской обязанности по зрению, Богуславский находился в Москве. Осенью 1941 года, во время обороны Москвы, был политруком на строительстве оборонительных сооружений на одном из важнейших направлений — Кунцево-Матвеевском. С декабря 1941 года работал в Комиссии по истории Великой Отечественной войны, организованной при Президиуме Академии наук. Затем работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. С лета 1943 года — на лекторской работе. Был лектором Московского и Центрального лекционного бюро РСФСР, летом 1944 года был откомандирован в распоряжение Главного Политического управления Военно-морского флота.

Во время командировок в действующую армию и военно-морской флот прочитал более пятисот лекций военно-исторической и патриотической тематики, в том числе и на переднем крае. Награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Заполярья», «За победу в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

После войны занимался научной деятельностью. В 1960 году был избран действительным членом Русского Географического общества и всегда принимал самое активное участие в его работе. В 1960-х годах много работал на центральном телевидении автором и ведущим больших передач на исторические, культурологические и общественно-политические темы. Во время длительных путешествий по стране (включая Север, Сибирь, Дальний Восток, Арктику) выступал с лекциями и рассказами на различные темы, связанные с историей и охраной памятников истории и культуры. Более 12 лет преподавал историю в средних школах Москвы.

Среди опубликованных им тогда работ — монографии о Московском Кремле, об Оружейной палате, о Соловецких островах, об обороне Севастополя, об А.В. Суворове, С.О. Макарове и др. С 1966 по 1975 год работал в издательстве «Советская Россия» как автор серии монографических книг-альбомов «Память России». Это один из первых и полных трудов, посвященных памятникам истории и культуры на территории России. В 1975 году был издан труд Г.А. Богуславского «Вечным сынам Отчизны», посвященный мемориальным комплексам и памятникам Великой Отечественной войны на территории СССР и зарубежных стран.

В 1976 году переехал из Москвы в Ленинград. Семь лет работал в Кораблестроительном институте, занимаясь его историей. Одновременно вел разнообразную общественную деятельность, направленную на популяризацию истории Петербурга — Ленинграда. Постоянно выступал с историческими лекциями в научных и культурно-просветительских учреждениях, на предприятиях. Активно участвовал в деятельности ленинградского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был членом бюро секции пропаганды.

В конце 1970-х годов ему присвоили звание «Лучший учитель года Ленинграда». В 1980 году был одним из организаторов «Клуба знатоков Ленинграда» и до 1985 года являлся его председателем.

В 1987 году в средней школе № 307 организовал и в течение двух лет руководил первым в Ленинграде специализированным историческим классом. В 1989—1991 годах вел исторический класс в школе № 107 Выборгского района, в 1990-х годах еще дважды сформировал и выпустил специализированные гуманитарные классы в школе № 86 Петроградского района.

В начале 1991 года был одним из учредителей и первых членов Всемирного клуба петербуржцев. В 1991 году стал одним из органи-

зателей и инициаторов Университета Петербурга в рамках общественной организации «Институт Петербурга». Был ректором Университета Петербурга на общественных началах.

В 1991 году был одним из инициаторов введения в школах нашего города курса «История и культура Петербурга», был автором программы этого курса для школы и программы подготовки преподавателей-петербурговедов в «Университете Петербурга». В 1997 году был отмечен премией представителя Президента РФ «За воспитание подрастающего поколения». В 1998 году был награжден Анциферовским дипломом и в 2009 году Анциферовской премией за общий вклад в современное петербургское краеведение. С 2002 года вел цикл рассказов о выдающихся деятелях культуры нашего города на «Радио России — Санкт-Петербург».

...Густав Александрович Богуславский вошел в мою жизнь четверть века назад — в мае 1989 года. Тогда я, окончив восемь классов, определялся с дальнейшим выбором. Точнее, я-то знал, к чему душа лежит, но вот как все это осуществить?

Выход подсказало крошечное объявление в газете «Смена», набранное петитом в самом уголке на последней полосе. Не помню, как оно звучало дословно, но смысл был таков: учитель Густав Александрович Богуславский набирает учеников в 9-й специализированный исторический класс. И адрес: школа № 107 на Выборгской улице.

Честно говоря, в то время имя Богуславского мне ничего не говорило. Но я просто не мог не использовать этот шанс. На «приеме» у Густава Александровича я оказался не первым: с кем-то он уже до меня очень долго беседовал. Подошло мое время, и мы оказались за одной школьной партой напротив друг друга. Поначалу разговор не очень складывался. Густав Александрович спрашивал меня, что именно меня интересует в истории города, какими книгами я пользуюсь. Набор книг его не очень впечатлил; мы пробовали поговорить об архитектурных стилях, но вскоре стало понятно, что тут я совсем «мелко плаваю».

«Ну хорошо, ты сказал, что изучаешь улицы. Давай представим себе, что мы идем по твоей самой любимой улице. Расскажи мне о домах на ней», — предложил Богуславский. Любимая улица? Конечно, же Итальянская — тогда она носила имя Ракова. И мы начали наше воображаемое путешествие.

Наверное, я говорил слишком известные вещи, лежавшие на поверхности, потому что на мой рассказ Густав Александрович реагировал довольно сдержанно. И тут мы «дошли» до Дома радио. «Это здание было построено для Дворянского собрания...», — начал я и понял, что попал в точку. Богуславский оживился: этот исторический факт, действительно, относился к числу малоизвестных. После этого «открытия» я словно бы почувствовал его благосклонность...

«Хорошо, я беру тебя в свой класс», — подытожил Густав Александрович после того, как мы завершили нашу «прогулку» по Итальянской улице. Так я прошел строгий «кастинг» от Богуславского...

Потом были первые в моей жизни археологические раскопки, организованные Богуславским в качестве трудовой летней практики. И затем — два года в историческом классе. К сожалению, не все было так радужно, как обещал Густав Александрович в самом начале. Все-таки по своей натуре он не был организатором и тем более администратором. Педагогом, мыслителем, философом, мечтателем, романтиком — да, конечно же, был. И таким и остался навсегда в моей памяти.

Мне не раз доводилось писать о том, что два года в историческом классе Богуславского стали для меня настоящим историческим «университетом». Даже последующие знания, полученные в вузе, порой не могли сравниться с высочайшим уровнем школьных лекций Богуславского. Кроме всего прочего, те годы стали еще и настоящей школой жизни. Может быть, это было еще и потому, что эти два года пришлось рубеж 80-х — 90-х годов теперь уже прошлого века — по-настоящему переломные годы в истории нашей страны.

Это было время, когда мы чувствовали себя соучастниками великих исторических событий, когда исторические знания были не абстракцией, а ответами на реальные острейшие вопросы современности. И именно благодаря Густаву Богуславскому на многие вещи нам, ученикам его класса, удавалось смотреть с точки зрения гражданина, историка, волею судьбы ставшего свидетелем великих исторических событий. Много из того, что происходило в те годы в стране, становилось предметом обсуждения на уроках истории. И хотя позиция Густава Александровича не всегда совпадала с нашей, по-юношески радикальной, его всегда спокойный и взвешенный тон помогал смотреть на многое без лишних эмоций...

Как-то раз, осенью 1989 года, к нам в школу пришли журналисты из «Смены», чтобы взять интервью у Густава Александровича.

Вскоре оно было опубликовано¹, и я еще больше проникся уважением к этому человеку и какой-то даже гордостью от того, что сопричастен к его творческой биографии, гордостью от того, что когда-то смогу называть себя «учеником Богуславского».

В своем интервью Густав Александрович затрагивал самые разные темы, а под конец посетовал, что главная беда нынешней школы — в том, что в ней работает слишком много людей, которые не любят свою профессию.

«Уж коли мы на всех перекрестках декларируем лозунг: «Учитель, воспитай ученика», следует предоставить этому учителю творческую свободу, — говорил Богуславский в этом интервью. — Мы жили и живем в обстановке совершенно некомпетентных решений, принимаемых абсолютно некомпетентными согражданами, безобидное тупоумие которых (когда оно не ограничено рамками только их собственной судьбы) приобретает характер национального бедствия: будь то пренебрежение к такой исторической и культурной жемчужине, как Ленинград, будь то отношение к образованию, будь то недоверие к интеллигенции. Сможет ли кто-то изменить ситуацию? Разве что наши нынешние ученики...

Весной на собеседование пришел паренек. Очень симпатичный, развитой, умница. «Понимаете, Густав Александрович, хочу учиться в вашем историческом классе. Но закончил только седьмой». «Не вижу проблемы, — пошутил я, — сдай экстерном экзамены и переходи сразу в девятый». Он так и сделал. Понимаете? Они действуют. Может, начинается новая история?».

Густав Александрович совершенно искренне верил в нас как в продолжателей его дела и стремился не только донести до нас свои поистине энциклопедические исторические знания, но, главное, — учил мыслить, сравнивать, анализировать, учил сомневаться и очень взвешенно и осторожно относиться к любым историческим суждениям и оценкам, каким бы непрерываемым научным авторитетам они ни принадлежали...

«Истории в специализированных классах уделялось больше часов, чем в других, и я понимал, что для успешной напряженной работы ребята должны чувствовать себя комфортно, почти как дома, — отмечал Густав Богуславский в одном из своих интервью. — Поэтому господствующий жанр урока был размышление

¹ История начинается (с Г.А. Богуславским беседовала Л. Леонтьева) // Смена. — 1989. — 22 октября. — С. 2.

без вызовов к доске, с правом отвечать сидя и с особым поощрением за очень умный и тонкий вопрос. На дом — задания, нередко требующие настоящей исследовательской работы; за выдающийся вопрос — несколько «пятерок» в журнал...

Мы пытались создать особую интеллектуальную и духовную среду, и дети охотно на это откликались. И не случайно также то, что среди наших учеников — много людей, пошедших разными дорогами и состоявшихся в своих профессиях... Мы до сих пор встречаемся, и совершенно очевидно, что духовная, гуманитарная составляющая того образования, которое они получили в школьные годы, в значительной мере определила их судьбы.²

Именно тогда, когда Густав Александрович преподавал в нашем классе, он задумывал и делал шаги в осуществлении своей давней мечты — учебного заведения, которое бы давало знания по истории Петербурга. Как раз в то самое время появилась общественная организация «Институт Петербурга», и замыслы Богуславского оказались там чрезвычайно востребованными.

«Рождение Института Петербурга стало прямым следствием происшедших в ту пору революционных изменений в стране, — вспоминала его основатель Ирина Михайловна Сергеева. — Многие предприятия разваливались, и инженерно-технические кадры оказывались без работы. Иногда — просто на улице. В таком положении довелось оказаться и мне. А поскольку я человек энергичный и не привыкла пасовать перед трудностями, эта ситуация стала для меня толчком к активным действиям.

Честно говоря, понятие «краеведение» было для меня очень далеким. Я просто всегда очень любила свой город, считала его необыкновенным. Он меня притягивал, но я никогда не пыталась погрузиться в его историю. Это уже потом мне встретились люди, которые серьезно занимались изучением истории Петербурга... Не забывайте — это был 1991 год. В то время казалось, что стоит только захотеть, и все получится.

Среди тех, кто вошел в актив Института Петербурга, был Владимир Ильич Аксельрод, руководивший конкурсом «Ленинградец» в тогдашнем Городском Дворце пионеров и занимавшийся на тот момент созданием общественного движения «Юные за возрожде-

² «Мы теряем язык» (интервью Г.А. Богуславского подготовила Инна Иванова) // Санкт-Петербургские ведомости. — 2008. — 19 декабря.

ние Петербурга». Именно он пригласил историка Петербурга Густава Александровича Богуславского, сыгравшего затем основополагающую роль в нашей деятельности».³

Владимир Ильич Аксельрод рассказал о предыстории своего знакомства с Густавом Александровичем: «Первая моя встреча с Густавом Александровичем произошла в еще середине 1970-х годов, когда он приезжал к нам во Дворец пионеров из Москвы, еще будучи внештатным корреспондентом «Учительской газеты»... В 1990 году возникла мысль на обломках пионерской организации, в условиях возникшего в одночасье идеологического вакуума, создать новое детское общественное движение, поставив во главу угла изучение культурного наследия нашего города. Так родилась идея движения «Юные за возрождение Петербурга». Я пришел к Густаву Александровичу, и он помог написать устав. То есть он был практически автором устава «Юных за возрождение Петербурга». Когда мы спустя десять лет юридически зарегистрировались, то практически ни одной строчки устава не изменили: настолько его формулировки были точными, выверенными, а главное, они нисколько не потеряли своей актуальности».

Естественно, когда пошла речь о создании Института Петербурга, было понятно, что без Богуславского обойтись просто невозможно. Да и сам Густав Александрович понимал, что наступает его «звездный час»...

«Густав Александрович предложил идею создания в рамках Института Петербурга учебного заведения — «Университета Петербурга» — и обосновал его название, — рассказал Владимир Ильич Аксельрод. — К этому времени уже была готова разработанная им программа учебного курса по истории и культуре Петербурга. До того времени вся работа по изучению города шла через внешкольные учреждения. Но мы понимали, что только через введение этого курса в школу можно дать школьникам знания о городе. Но для этого были нужны подготовленные учителя, педагоги. Кроме отдельных энтузиастов, кадров не было. Тогда-то и возникла идея, что «Университет Петербурга» — как раз для тех, кто хочет и готов преподавать историю Петербурга в школах».

В основе программы «Университета Петербурга» Богуславский положил идею универсальных знаний о Петербурге. Программа

³ Универ, где учат взрослых (интервью И.М. Сергеевой подготовил С. Глезеров) // Санкт-Петербургские ведомости. — 2011. — 7 октября.

была составлена по заветам выдающегося ученого Ивана Михайловича Гревса — основоположника экскурсионного метода в краеведении. В ее основе было восприятие города как многообразного, сложного и в то же время единого организма. Густав Александрович с самого начала деятельности Университета в октябре 1991 года и вплоть до конца 2000-х годов, почти двадцать лет подряд, вел ведущий курс в этом учебном заведении — «Личность в истории города», а также семинар по источниковедению.

Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что и здесь Густав Александрович был в первую очередь не организатором, а просветителем. «Он был генератором идей, и очень важно, что рядом с ним в нужную минуту, тогда, в начале 1990-х годов, оказались люди, готовые воплощать его идеи в жизнь, — подтверждает Владимир Аксельрод. — Впрочем, Богуславский никогда и не претендовал на роль организатора, но идеями фонтанировал».

Именно в просвещении Густав Александрович видел свое главное назначение. И, действительно, его можно назвать не только учителем, но и просветителем с большой буквы. Быть просветителем ему помогал дарованный ему от природы незаурядный лекторский, ораторский дар. Богуславский умеет удивительно чувствовать аудиторию, находить с ней общий язык, воодушевлять людей, и его лекции — это не просто рассказ о каком-то факте или событии, это страстный монолог (иногда переходящий в диалог), нередко сопровождающийся историческими параллелями и экскурсами совсем в иные эпохи. А иногда — публицистическими отступлениями на злобу дня. В своих лекциях он часто импровизировал, уходил в современность, старался связать прошлое с настоящим...

Историк Петербурга Дмитрий Юрьевич Шерих в публикации, посвященной 70-летию Густава Александровича, отмечал: «Как-то довелось мне присутствовать на одной исторической конференции. Именитые выступающие говорили скучно и без блеска, жевали общие затертые слова, не выбираясь из штампов. Когда на кафедру вышел Богуславский, все переменялось. Полусонные слушатели оживились, разговоры прекратились... Не слушать его было нельзя — настолько блестящей, умной, заразной по своему энтузиазму была его речь. Тогда-то я и понял, что невозможно быть учеником Богуславского и не полюбить при этом наш город и его прошлое».⁴

⁴ Шерих Д. Учитель истории // Вечерний Петербург. — 1994. — 11 июля.

Едва ли кто не пытался подсчитать количество выступлений, произнесенных Богуславским с самых разных кафедр. Наверное, счет его лекций, посвященных петербургской истории и культуры, шел бы на многие тысячи. Его лекционными площадками были Общество охраны памятников, Русское Географическое общества, Дом архитектора, Российская Национальная библиотека, Дворец творчества юных, ДК имени Ленсовета, вузы, школы и предприятия. Его многолетней площадкой было даже Петроградское районное отделение Всероссийского общества слепых.

Помню, что первые школьные лекции Богуславского произвели на меня ошеломляющее впечатление. На своих уроках истории и обществоведения Густав Александрович демонстрировал нам блестящее владение искусством публичных лекций. С годами пришло понимание: публичные лекции были для Густава Александровича не просто его потребностью, способом самовыражения, — это была настоящая страсть. И какие бы всего минуту назад грустные мысли ни обуревали его, Густав Александрович всегда преображается, едва только восходит на лекторскую кафедру (иногда достаточно и воображаемой «кафедры»). И тогда каждый раз начинается его очередной «звездный час».

Мне не раз доводилось убеждаться: Густав Александрович — натура увлекающаяся. Он, несомненно, принадлежит к природе тех людей, которые рождают идеи. И творческий импульс для него важнее рутинной жизни его любимого детища...

Густава Александровича всегда привлекала школьная работа — здесь он был не только педагогом, но и опять-таки просветителем, причем последнее стояло на первом плане. Конечно, порой он был идеалистом, выстраивая идеальную картину своего будущего творческого детища. Он сам набирал классы, чему свидетель автор этих строк. И личный «экзамен» Богуславского, который требовалось сдать для поступления в его класс, проходил только по ему ведомым требованиям и критериям. Подчас о них можно было только догадываться.

Работая в школе, Густав Александрович достаточно часто входил в конфликт с педагогическим коллективом. Учителям было непонятно, по каким принципам он набирает учеников, по какой особой программе он ведет свои курсы. Увы, это приводило к тому, что Богуславскому приходилось часто менять школы в поисках лучшего коллектива, где бы понимали его просветительские стремления...

На протяжении более чем двадцати лет после окончания исторического класса Богуславского я никогда не терял связей с Учителем. И мы все время как будто бы находились рядом, занимаясь одним общим делом. Так, в начале 2000-х годов мы оказались с ним вместе на страницах газеты «Санкт-Петербургский курьер», куда Густав Александрович принес цикл своих очерков, посвященных 300-летию Петербурга. Проект назывался «125 недель истории Петербурга» и выходил на протяжении трех с половиной лет.

Помню, что Учитель тогда изрядно критиковал меня за «залихватский» характер заголовков и подзаголовков. «Я понимаю, что они этого требуют, чтобы привлечь внимание читателей, — говорил Густав Александрович. — Но ни в коем случае нельзя идти у них на поводу. Публикации, посвященные Петербургу, должны быть написаны строгим, интеллигентным языком».

Учитель говорил мне эти слова во время одной из наших с ним встреч в его квартире в «башне» на площади Льва Толстого. К сожалению, такие встречи были довольно редкими, но каждая из них была настоящим событием. Во время наших бесед меня всегда потрясала феноменальная память Богуславского — не только на исторические события, но и на окружающих его людей. Я прекрасно знал, что Богуславский помнит каждого своего ученика и, более того, интересуется его судьбой. И к каждому из них питает искреннюю симпатию, даже если в ком-то и разочаровывался — а такое у него бывало сплошь и рядом.

Одна из наших встреч в «башне», состоявшаяся в октябре 2011 года, была посвящена выходу в свет книги Густава Александровича «100 очерков о Петербурге». Книга эта была создана как раз на основе тех самых газетных очерков в «Санкт-Петербургском курьере».

Очерки, собранные в книгу, не были хронологическим изложением истории северной столицы. Густав Александрович по собственному усмотрению касался отдельных событий, примечательных мест и персон, оставивших замечательный след в жизни города. Однако даже в рассказах, посвященных, казалось бы, широко известным темам, читателям предлагался или новый, неизвестный материал, или совершенно новый подход, новый взгляд, новая точка зрения, новый акцент.

Эту книгу с полным правом можно было назвать подношением автора любимому городу. Недаром в каждом очерке звучал его страстный голос публициста, глубоко безразличного к сегодняшней судьбе города и его будущему... Книга Богуславского — это отто-

ченный петербургский стиль, безукоризненная логика, композиция. Словом, лекции Густава Александровича, положенные на бумагу, читать не менее увлекательно, чем слушать, поскольку их отличает блестящее владение литературным языком и безупречное чувство петербургского стиля. В подзаголовке книги значилось: «Северная столица глазами москвича».

«Неужели вы до сих пор считаете себя москвичом?» — спросил я Густава Александровича.

«Да, по характеру, по особенностям поведения — я, конечно, москвич. Говорю как москвич, многие вещи воспринимаю как москвич. Но я... странный москвич. Потому что я пятьдесят два года, от рождения до момента переезда в Ленинград, прожил в одной и той же квартире, ни разу не сменив места жительства, адреса и того окружения, к которому привык. Мне довелось пережить несколько довольно мучительных «припадков» ленинградомании, когда я начинал очень сильно переживать, что живу в Москве, а в Питере бываю только в командировках, хотя и очень часто.

Моему первому переезду в город на Неве помешала война. В сороковом году мне разрешили пользоваться Ленинской библиотекой, точнее, ее научным залом. Меня интересовала история Северной войны, и я узнал, что одновременно со мной этим вопросом занимается один военный товарищ... Мы не были знакомы. А потом из объявления в газете я узнал, что в Московском университете состоится защита кандидатской диссертации батальонного комиссара Бориса Семеновича Тельпуховского, впоследствии очень известного ученого, «История Северной войны». На защите выступали очень крупные теоретики, официальные защиты. А потом слово предоставили мне — восьмикласснику 254-й московской школы. У меня были замечания по диссертации, которые я высказал. А через день узнаю, что приказом ректора МГУ я зачислен на исторический факультет. В «Комсомольской правде» вышла статья Тельпуховского «Мой неофициальный оппонент», в «Известиях» — «Рождение ученого».

Школу мне разрешили закончить в порядке экстерната. А потом мне пришла телеграмма: «Немедленно выезжайте Ленинград получения ордера жилплощадь». Оказалось, это был результат моей встречи с наркомом просвещения Владимиром Петровичем Потемкиным. Он спросил, чего мне не хватает в жизни? И я со всей мальчишеской прямоотой признался: не хватает Ленинграда — во-первых, потому, что все мои научные интересы связаны с петровской эпо-

хой, во-вторых, потому что я влюбился в этот город. Так я стал обладателем великолепной комнаты на Кронверкской улице...⁵

Из-за войны переезд в город на Неве отложился на несколько десятилетий. Однако потом сама жизнь подтолкнула меня к расставанию с Москвой. В том районе Москвы, в котором я жил и который любил, начались страшные перемены. На наш район... «напали». Стали сносить старые дома, строить новые. Все изменилось, стало иным, чужим, чуждым. А когда напротив моих окон сносили старые дома, и на их месте сначала появились огромные котлованы, а затем стали возводить огромный олимпийский стадион — вот тогда я это воспринял как покушение на меня, как удар по мне. Этого я перенести не мог. Тогда я начал очень энергично заботиться о переезде в Ленинград... Что было потом, вы уже знаете.

Каким же был Густав Александрович? Человеком удивительной памяти и энциклопедических знаний, потрясающего обаяния и чувства такта. Он знал себе цену, но никогда не отличался высокомерием. Он был безмерно общителен, при этом оставаясь замкнутым человеком. О своей личной жизни практически никогда не распространялся. Из его скупых слов становилось известным лишь его трогательное отношение к маме. Он буквально боготворил ее. Она прожила даже больше, чем он, — девяносто три года. Наверное, это долголетие было заложено генетически.

Густава Александровича можно назвать образом настоящего петербургского интеллигента. Со всеми его достоинствами и недостатками. По масштабу личности, по вкладу в культуру Петербурга, его можно поставить в один ряд с основателями петербурговедения Иваном Михайловичем Гревсом и Николаем Павловичем Анциферовым. А четверть века в петербурговедении, начиная с середины 1980-х годов, можно смело назвать «эпохой Богуславского»...

С.Е. Глезеров

⁵ В фондах музея Аничкова дворца (Городского Дворца творчества юных) хранится программа Первой научной конференции школьников Ленинграда, прошедшей в Ленинградском дворце пионеров в мае 1941 года. Среди участников исторической секции был один юный москвич — девятиклассник Густав Богуславский. Его доклад произвёл впечатление не только на слушателей, но и на научных руководителей конференции, среди которых были Л.А. Орбели, В.В. Мавродин и другие. (*прим.* В.И. Аксельрода)